

20idei.ru

ИДЕИ
ПО РАЗВИТИЮ РОССИИ
ОТ ДМИТРИЯ ДАВЫДОВА

18+

📅 08.02.2010 В 17:00

👁 5799

🍴 КУЛЬТУРА

Исповедь Дон Кихота

Владимир Зельдин: "Врать в моем возрасте не имеет смысла!"

"С ЖЕНОЙ МЫ ЖИВЕМ 46 ЛЕТ ДУША В ДУШУ".

— **Перезвоните мне ближе к полуночи, — сказал он мне тихим, ровным голосом. — Я сейчас крайне занят...**

Вот это да! Ведь речь идет не о затусованном неофите, который делает брейк на сон только ближе к рассвету. А о блистательном классике советского кино и театра Владимире Зельдине. Страшно сказать, но завтра ему — 95! И он точно уверен: продлевает жизнь только сцена.

— **Владимир Михайлович, откровенно говоря, я была уверена, что у людей вашего возраста здоровый образ жизни и строгий режим. А у нас с вами интервью в полночь...**

— Да что вы, деточка, никогда не знал, что такое режим, строгий распорядок дня. Засыпаю поздно, иногда часам к двум ночи. Просыпаюсь к 7—8 утра и отправляюсь на репетицию. Вот, помню, раньше я и в теннис играл, и в бассейне плавал. А в 80 лет у меня случился инфаркт, и пришлось физические нагрузки снять...

— **Владимир Михайлович, и как вам цифра 95?**

— Ох, 95... Ну что сказать — я думаю, что мне можно только посочувствовать.

— **Посочувствовать? А может, порадоваться за вас?**

— Какая может быть радость? Иногда возникает такое чувство, что у меня все уже в прошлом. С другой стороны, меня можно назвать и счастливым человеком. Ведь мне довелось испытать многое: революция, Гражданская война, НЭП, коллективизация, индустриализация, Отечественная война. Нас, таких, остались единицы. Понимаете?

— **Владимир Михайлович, а у вас есть близкий человек, с которым есть что вспомнить?**

— Вспомнить? У меня много друзей, но вот такого человека, которому можно доверить все: сокровенные чувства, переживания, посидеть, повспоминать — нет. Хотя у меня прекрасная жена, с которой мы живем 46 лет душа в душу. Она, конечно, гораздо умнее, образованнее меня. Я же в общем-то неграмотный человек. Такой, знаете, середняк по жизни...

— **Это странно слышать от вас. Вас больше представляешь в смокинге, а не в**

униформе рабочего.

— Да ну что вы, деточка, я вам совершенно откровенно говорю, врать в моем возрасте уже нет смысла. Я не знаю ни одного иностранного языка. Во времена моей молодости, а это эпоха сталинизма, за границу не пускали, общение с иностранцами было запрещено. Так что знание иностранного языка мне было просто не нужно. Хотя, конечно, литературу нашу и зарубежную до шестнадцати лет я перечел. Мне бы, конечно, хотелось и больше знать, и видеть больше. Вот моя жена другая.

— А я читала в одном из ее интервью, как она жаловалась на вашу непрактичность. Довольствуетесь малым?

— Да-да, она права. Совершенно я непрактичный. И совершенно неприхотливый в быту. Мне для жизни нужно очень немного.

Ой, знаете, я вам сейчас кое-что скажу: когда-то давно, еще в молодости, у меня была мечта — иметь свой просторный кабинет с большим, красивым письменным столом.

— Вы ее осуществили?

— Нет, у меня ведь крошечные две комнаты в тридцать квадратов...

— Не может быть! У вас, прославленного актера, народного артиста СССР, такая маленькая квартира?

— Да мне большая и не нужна... Вот ремонт небольшой сделали, так что все слава Богу. А работал над ролью я всегда на кухне. Ночью там тишина, покой, никто не мешает. Да и своей дачи нет. Что до моей зарплаты, то, вы не поверите, еще совсем недавно я и двадцати тысяч рублей не получал. Сейчас немножко побольше — нашему театру Министерство обороны предоставило грант.

— Но неужели никогда не хотелось воспользоваться своей известностью для решения материальных проблем?

— Да ну что вы, такого не было никогда. Да и зачем? А, нет-нет, пожалуй, один случай был. Помню, мы с великолепной актрисой Ниной Сазоновой ходили к властям, хлопотали за разных актеров. Просили, чтобы им в квартире установили телефон, просили помочь решить и другие бытовые проблемы наших коллег. Я с удовольствием занимался этим.

“У меня была мечта, которая не осуществилась...”

— Получается, мои года — мое богатство — это про вас?

— Вы абсолютно правы, это про меня, в этом все мое богатство. И счастье. Я столько пережил интересного. Когда, будучи совсем еще мальчиком, я впервые приехал из Твери в Москву, вышел на перрон вокзала, будто в сказку попал: море огней, звонки трамваев, крики извозчиков... А обосновались мы близ Крестьянской заставы. Там, знаете, жили ломовые извозчики. Кругом большие деревянные дома и огромные конюшни.

Первый счастливый период — это учеба в школе. Я был задействован во всех кружках: драматический, танцевальный, столярный. Был рад получить красивый значок за успехи: “Ворошиловский стрелок”, “Ворошиловский всадник”. Все эти значки иметь было чрезвычайно престижно, они такие красивенькие были. У нас преподавал великолепный педагог — майор Хлевинский. Он блестяще вел военные предметы, был такой эрудированный. Благодаря его подготовке мы даже участвовали в Первомайском параде на Красной площади. Помню, нам даже шили форму!

Второй счастливый период — учеба в театрально-производственном училище при театре МГСПС. Знаете, там были великолепные педагоги! Ходил на все спектакли корифеев Художественного театра, Малого, Мейерхольда, Вахтанговского. В те годы Москва жила бурной театральной жизнью. Театры были переполнены.

Представьте только, мне посчастливилось видеть самого Маяковского! Но особенно любил выступления Ильи Эренбурга. Блестящий журналист и писатель. Помню, даже довелось побывать на диспуте Луначарского с Патриархом Московским. Тогда часто устраивали открытые диспуты, знаете, это похоже на массовые дискуссии. Я даже помню, где это происходило — в саду у Баумана, в открытом летнем театре. А тема была очень острая для того времени: религия и жизнь... Видите, как много мне пришлось повидать?

— Но вам многое удалось повидать и в вашей актерской жизни. Ваш первый спектакль в Театре Красной Армии “Учитель танцев” сразу же прославил молодого Зельдина. Его ставили специально на вас?

— На меня? Да что вы? Так сложилась моя судьба, что на меня режиссеры никогда не ставили спектакли. Откровенно говоря, я вообще себя считаю средним актером, но не портящим ансамбль профессионалов.

— **Ой, ну это уже кокетство...**

— Нет-нет, ничего такого. Я трезво смотрю на вещи. А с “Учителем танцев” произошло следующее. Все случилось в 1945 году. В Театре Красной Армии знали, что я неплохо танцую, у меня хорошая пластика. Так вот я дал понять — если будет интересная роль, то приду к ним работать. И те сообщили мне, что репетируют “Учителя танцев”. Над главной ролью Альдемаро уже работали два актера, но у них там что-то не складывалось. Я прочитал пьесу — мне очень понравилось. Там нужно было и танцевать, и фехтовать, и петь. Все это я умел. А к тому же прекрасные стихи и музыка. Меня пригласили, и я начал репетировать. Но поскольку спектакль не по военной тематике, то нам почти не давали для репетиций сцену. Мы работали в гримуборных. И все вообще не очень-то верили в успех этого спектакля. Говорили, острой интриги нет. Короче, к нам относились с прохладцей.

— **Но спектакль все же прошел на ура...**

— Это был настоящий триумф! Актерский состав был блестящий. И в “Учителе танцев” состоялось то, что бывает крайне редко — попадание в роль. Просто в десятку! Потом нужно учесть и то время, когда состоялась премьера. Закончилась страшная война, и люди истосковались по любви, по красоте. Знаете, вот я сейчас вспоминаю все это, и даже не верится, что было у меня такое счастье...

После премьеры главный режиссер Алексей Попов сказал мне: “Знаешь, Володя, ты как-то сразу взял очень высокую планку. Старайся не опуститься ниже. И смотри, чтобы от успеха у тебя не закружилась голова”.

— **И головокружения от успеха никогда не было?**

— Никогда. Все эти слова, которыми так охотно разбрасываются сегодня — великие, звезды и так далее, — для меня они чужие и ничего не значат. Я их не понимаю.

— **Но вы хотя бы считаете себя востребованным актером?**

— Я? Себя? Что вы... Как у каждого актера, у меня была мечта, которая не осуществилась. И теперь уже точно не осуществится. Вот, например, после премьеры “Учителя танцев” Татьяна Щепкина-Куперник (переводчик “Учителя танцев”. — **О.Х.**) подарила мне свою книжку с подписью: “Я надеюсь, что мой дивный Альдемаро превратится в Ромео”. И мне действительно очень хотелось превратиться в Ромео. Но не получилось. Но я не жалею...

Мне повезло — профессия, которой я занимаюсь, не имеет возраста. Можно чувствовать себя пожилым человеком и в 35, и в 40. А я в свои 95 молод душой. И пока позволяет здоровье — хочу работать. Знаете, ведь вся моя жизнь в театре...

— Неужели никогда не было конфликтных ситуаций? Не уходили, хлопнув дверью?

— Да что уж дверью хлопать, если погрузился в этот мир театра. Да, я не спорю, все не безоблачно. Это мир сложный, связан с жесткой конкуренцией и вообще порой с безжалостными явлениями. Но от всего этого я абсолютно далек. У меня никогда не было зависти. Успехом других просто восхищаюсь.

— Тогда дайте совет молодым актерам, как правильно жить в театре?

— Однажды, когда я был еще молодым, великолепный актер Вахтанговского театра Плотников сказал мне: “Самое главное качество для жизни в театре — это терпение”. В театре все зависит от главного режиссера, он влияет на коллектив, на актерский ансамбль. Единая вера в руководителя и в репертуар делает театр успешным. Так что нужно просто верить. В себя, в театр, в режиссера...

“Женщины в моей жизни сыграли не последнюю роль”

— Но то, что вы верите в себя, сомнений не вызывает. Вам трудно было решиться в 90 лет на роль Дон Кихота?

— Он был поставлен Юлием Гусманом за три года до моего 90-летия. Я хожу на этот спектакль, как на молитву. Конечно, мне непросто играть — уже сказывается возраст. Там довольно тяжелые костюмы. Потом я исполняю короткий танец, пою к тому же.

Но, знаете, я люблю этот спектакль, потому что он актуален. Сегодня ведь человеческая жизнь ничего не значит. Да и вообще нынешняя повседневность чрезвычайно зловещая. Человечность, добро не значат ничего. А Дон Кихоту свойственны самые простые заповеди: не убей, не укради, не воруй... Мой герой говорит: “Вдохни всей грудью живительной воздух жизни и задумайся над тем, как ты должен прожить ее... Не называй своим ничего, кроме своей души”. Понимаете, как это точно? Редкость в наши дни такие люди. А ведь на них Земля держится. Сегодня таких называют чудаками.

А сейчас, уже к моему 95-летию, я работаю над другим спектаклем, автором и

режиссером которого тоже является Гусман. А еще в этой постановке я уговорил поучаствовать моего друга — блестящего балетного артиста Владимира Васильева. Вернее, в той ее части, где дело касается танцев, движений, пластики.

— В 95 лет вы будете танцевать на сцене? Это, наверное, войдет в Книгу рекордов Гиннеса?

— Это будет короткий танец. Даже скорее намек на танец. Я сделаю всего несколько па. Смешно было бы в моем возрасте танцевать весь болеро. Видите, я в плане дружбы весьма счастливый человек. Вот я даже стучу по дереву. Но не знаю, как у нас все сложится с этой постановкой — возникло много трудностей и по финансовой части, и с костюмами, и с оформлением... На подготовку осталось мало времени — бенефис 14 февраля.

— В День всех влюбленных? Это не случайно?

— Разве? Это День всех влюбленных? Да что вы говорите? Ой, а вы знаете, это же про меня! Я всегда, на протяжении всей своей долгой жизни нахожусь в состоянии влюбленности! Я считаю, что женщина — это чудо природы. С молодости у меня было ампула героя-любownika. На сцене я всю жизнь признаюсь в любви. А в жизни к женскому полу отношусь с огромной влюбленностью. Мне это помогает в жизни. Очень. Чтобы влюбиться, мне достаточно 15-минутного разговора. Или мимолетной встречи. Состояние влюбленности — это лекарство. Это дает мне определенный энергетический заряд.

— Говорят, что и главную роль в судьбоносном для вас фильме “Свинарка и пастух” вам помогли получить женщины...

— Ой, а знаете, ведь это правда. Все благодаря женщинам. Съемки в этом фильме — для меня просто чудо. Ассистент режиссера посмотрела один мой спектакль и предложила почитать сценарий, встретиться с режиссером картины Пырьевым. Мне сценарий очень понравился, и я, конечно, был в восторге. Но я никогда, ни секунды не думал, что меня утвердят. Ведь там пробовались великолепные грузинские актеры! Они и двигались прекрасно, и были музыкальны. Я приехал к Пырьеву. Меня попросили надеть грузинскую шапку. Им необходима была именно романтическая фигура, а не простой пастух. Пырьев со мной тщательно репетировал. Но он меня не утверждал. Он предпринял следующее: собрал весь женский коллектив: костюмеров, гримеров... Показал им все пробы с участием всех актеров. И все женщины проголосовали за меня. Так что прекрасный пол сыграл в моей кинобиографии не

последнюю роль...

“Времени нет. Уже не успею”

— Видите, все было давным-давно... Но, поверьте, деточка, я очень, очень счастливый человек, — продолжает Владимир Михайлович. — Знаете, но и сегодня, в мои 95 лет у меня есть актерская мечта.

— Какая?

— Сделать моноспектакль “Монолог старого актера”. А начать с великолепного рассказа Миши Жванецкого. Вы, наверное, его не знаете, слишком молоды. Рассказать вам его?

— Но уже так поздно. Вам не сложно?

— Нет-нет. Просто он полностью соответствует моему нынешнему состоянию души. Вот послушайте...

Я знаю про себя твердо: я никогда не буду высоким, красивым и стройным. Меня никогда не полюбит Мишель Мерсье, Катрин Денев. И в молодые годы я не буду жить в Париже, не буду говорить через переводчика, сидеть у штурвала и дышать кислородом. К моему мнению будут прислушиваться не больше одного человека. Но и эта одна уже начинает иметь свое. Наконец, я никогда не буду руководить большим симфоническим оркестром радио и телевидения, и фильм не поставлю, и ничего не получу в Каннах. Ничего не получу в смокинге, в прожекторах. Времени нет, уже не успею... При моем появлении никто не встанет. Никогда не буду женщиной. А интересно, что они чувствуют? Нет, кофе могу себе в постель подать, но для этого нужно встать, одеться, приготовить, потом раздеться, лечь и выпить. Не каждый это сможет... Наконец, я никогда не возьму семь метров в длину, ну просто не разбегусь. А если разбегусь, это ничего не значит. Не оттолкнусь. Время. Время забот. И мой крейсер под моим командованием никогда не войдет в нейтральные воды. Из наших не выйдет. За мои полотна не будут платить бешеные деньги. От моих реприз не грохнет цирк, и не прослезится зал. И не расцветет что-то, и не запахнет чем-то. И не скажет девочка: “Я люблю тебя”. И не спросит мама: “А что ты ел сегодня, мой мальчик”? Зато я скажу сыну: “Парень, я прошел через все. Я прошел дорогами войны, я не стал тем и не стал этим. Я передам тебе свой опыт”...

Понимаете, деточка, какое дело?